

Из дошкольного времени мне почему-то больше всего запомнились не очень приятные моменты, например, как я свалился с подоконника и упал подбородком на металлическую пряжку ремня, маленький шрам на подбородке остался на всю жизнь. Помню, как мама на руках тащила меня к врачу.

До серьёзных наказаний доводило увлечение зажиганием спичек. Один раз я пытался развести костёр из газеты на полу в ванной комнате, огонь был замечен через щель между дверью и полом, и меня поставили в угол. Со спичками оказался связанным один из самых, если не самый позорный проступок моего детства. Развлекаясь зажиганием спичек, я обжёг себе ладонь и на мамины расспросы оклеветал Мишку, предводителя "барабанщиков", враждебной компании с соседнего двора - Мишка, мол, мне руку прижёт. Мама бросилась к родителям хулигана, но оказалось, что Мишка был весь этот день со своим папой в пригороде Таллина на мотогонках. Почему-то у меня не хватило духу сознаться и остановить маму, когда она собралась идти воевать с родителями моего якобы обидчика.

В этот раз в углу я стоял, обливаясь слезами и ковыряя пальцем стенку, намного дольше обычного, и не скоро мне удалось вымолить прощение у мамы. Вообще, мамины гнев и обида были главными её воспитательно наказующими средствами, и мы, наказанные дети, страдали, конечно, не от стояния в углу, а от искреннего, темпераментного маминого возмущения.

Папа же свои карательные функции выполнял путём порки, которая ко мне за всё мое детство была применена трижды. В остальных случаях, в общем-то тоже редких, когда мама жаловалась на меня папе, папа коротко, но весьма суровым, повышенным тоном делал мне внушение, намекая на возможность более строгих мер. Этим всё его участие в воспитании детей и ограничивалось.

В 1950 году я поступил в первый класс 23-й мужской средней школы города Таллина под опеку моей первой учительницы Ольги Михайловны Морозовой, немолодой уже, сухощавой, с короткой стрижкой. Несмотря на свой довольно суровый вид, женщиной она была, несомненно, доброй.

В первый же школьный день я подружился с Игорем Сихтом, щупленьким мальчишкой, который занял место Сашки Шаброва в качестве моего лучшего друга и оставался им до самого нашего отъезда из Таллина. С ним мы проводили первые опыты по курению окурков - "чинариков" или "хабариков", как их называли. Курили в таких экзотических местах, как, например, тесное пространство мезеду дощатым потолком и черепичной крышей ("чердак") беседки, которая вместе с балюстрадой украшала асфальтированную крышу каменных сараев для угля на заднем ("чёрном") дворе нашего дома. Особенно процветало это увлечение в период, когда мама с папой уезжали куда-то в отпуск, оставив нас с Любкой на попечение папиной сестры, тёти Гогуцы. Тогда же было освоено средство сокрытия преступления - заедание чесноком.

Учёба в школе в первые годы не составляла мне никакого труда, на уроках я убивал время рисованием на промокашках, на газетных обёртках учебников. Однажды я разрисовал чернилами портреты Сталина, Василевского и Кузнецова, напечатанные на первой странице праздничного номера газеты (тогда положено было на парту стелить газету). Ольга Михайловна, обнаружив моё художество, страшно перепугалась, вызвала в школу моих родителей и чуть ли не шёпотом рассказала им о содеянном мною. Глубины своего преступления я тогда никак не мог понять и недоумевал, как такая невинная шалость могла настолько ошарашить взрослых; о её политический окраске и возможных последствиях я, конечно, не догадывался.

На лето мы обычно уезжали в Сестрорецк к бабушке, которая жила со своим младшим сыном - моим дядюшкой Вовой. Они занимали две комнаты - одну побольше, с печкой, другую крохотную, холодную, называлась она почему-то кухней, в доме №14 по Красногвардейской улице. Напротив дома, через дорогу - озеро Разлив. В доме жили ещё две

семьи и ветеран революции тётя Катя. Довоенный бабушкин дом на Красноармейской улице давно уже кто-то занял, когда бабушка была в эвакуации.

Дядюшка Вова учился в техникуме при заводе Воскова и подрабатывал рисованием плакатов, торговых вывесок и объявлений, а я с восхищением смотрел, как уверенно и искусно действует он кисточкой, прижимая бумагу к столу кулечей левой руки и ярко раскрашивая свои произведения акварельными красками или гуашью. А сам рисовать красками я так и не полюбил; наверное, из-за своего дальтонизма, о существовании которого я тогда, впрочем, и не догадывался. Из-за этого же я не люблю и до сих пор собирать ягоды: они не бросаются мне в глаза на зелёном фоне, а из грибов я хуже всего нахожу подосиновики.

Дядя Серёжа Мороз, я, Люба, мама, папа и дядя Вова на пляже озера Разлив, август 1951 г.

В жаркую погоду мы проводили время на песчаных пляжах Разлива, рядом с деревянным мостом, у "читалки", и я довольно рано, лет в шесть, научился плавать. Однажды довелось мне и тонуть, да дядя Вова вытащил за волосы. В отпуск приезжал в Сестрорецк и папа. Сильное впечатление осталось от того, как папа делал мне парусник. Корпус он аккуратно вырезал из полена, а самым интересным было изготовление киля, который для остойчивости парусника делался из свинца. Свинец расплавлялся в консервной

банке, и тяжёлая серебристая жидкость заливалась в приготовленное углубление в земле нужной формы с двумя воткнутыми в землю палочками. Свинец, обтекая палочки, заполнял форму и застывал, а получившийся киль через палочки гвоздями прибивался к днищу парусника. Наблюдать за изготовлением парусника мне было гораздо интереснее, чем потом пускать его в озеро.

Ещё одним запомнившимся развлечением было качание на гамаке в палисаднике у живших по соседству Кутуевых - тёти Веры, маминой подруги детства, и её мужа, дяди Кости (Кутуевы - девичья фамилия тёти Веры, а по мужу она Лозовская, но жили Лозовские у родителей тёти Веры: Кутуевых - бабы Пани и деда Ивана Васильевича, пожарника, старшины пожарной части). У них тогда была только одна дочка Ляля, моя сверстница, а впоследствии родились ещё две. Во дворе у Кутуевых я как-то свалился в выгребную яму, в другой раз туда же сумела угодить и моя сестрёнка Любка.

В эти годы мы ездили не только в Сестрорецк. Летом 1951 года папа в первый раз привёз свою семью в Батуми к своим родителям, но от этой поездки у меня воспоминаний почти не осталось за исключением посадки в поезд из Батуми, сопровождавшейся жарой и жуткой давкой. Горы и море произвели на меня впечатление позднее - в поездку 1954 года, когда мне было уже почти 11 лет.

А ещё мы ездили на дачу в пригород Таллина - Нымми вместе с семейством Бобровых - тётёй Асей, Львом Сергеевичем, её мужем - папиным начальником, и их дочками - Галей и Людой, обе старше меня, первая лет на пять, вторая - на два года. Эти девочки по очереди пытались играть со мной в любовные игры, в чём я не находил тогда - увы! - абсолютно никакого интереса.

Папа, мама, Лев Сергеич и тётя Ася Бобровы на проводах Васи Рахманюка (крайний слева) на Тихоокеанский флот, декабрь 1951 г.

Помню, как в Нымми папа привёз с островов Финского залива двух диких крошечных утят в красивом лакированном ящике от теодолита. К сожалению, птенцы быстро погибли, мы просто не уследили за ними. Один попал под машину, а второго сожрала собака.

В Нымми было прекрасное озеро с красивой белой вышкой для ныряния и с отдельным бассейном для малышей. В бассейне мне купаться было неинтересно, а в озере очень нравилось.

Ну, а больше всего мне запомнилась первая порка, которую я заработал как раз в Нымми. Мы с приятелем Гришкой курили у него в комнате у окна, а из окна соседней комнаты, шедшей под прямым углом к нашей, нас засекла тётя Ася и моментально донесла нашим родителям. Хоть мы и съели по полтюбика зубной пасты, чтобы не пахло табаком, папа и нюхать не стал, отхлестал меня ремнём по заднице прямо во дворе.

(продолжение следует)